

А.Д. Стрельцов

«Мы вернулись в положение августа 1914-го»:
Рурский конфликт 1923 г.
в восприятии премьер-министра ЮАС
Яна Христиана Смэтса

В публикации представлен перевод выступления британского и южноафриканского политика Я.Х. Смэтса на ужине в отеле Савой в Южноафриканском клубе 23 октября 1923 г., посвященного широкому кругу вопросов как имперской политики Великобритании, так и межгосударственных отношений в Европе. Основное внимание уделено позиции Смэтса в отношении оккупации французскими войсками Рурской области в 1923 г.

Ключевые слова: Рурская область, Германия, Великобритания, США, оккупация, репарации, либерализм, Франция, Бельгия.

Оккупация французскими войсками Рурской области Германии занимает видное место в истории международных отношений в межвоенный период. Веймарская республика, согласно Версальскому мирному договору 1919 г., была обязана выплачивать репарации странам-победительницам в Первой мировой войне. Президент Франции Раймон Пуанкаре настаивал на беспрокомиссном выполнении положений договора. При возникновении просрочек в поставках или платежах французские войска несколько раз захватывали территории Германии. В связи с крайне сложной экономической обстановкой она не могла осуществлять выплаты в полном объеме и отставала по срокам репарационных поставок. В сентябре 1922 г. этот факт зафиксировала союзническая комиссия: Германия поставила меньше угля и телеграфных мачт, чем положено. Французское правительство использовало это как предлог для ввода войск в Рурский бассейн. К Франции присоединилась Бельгия.

Стоит отметить, что для премьер-министра Франции Раймона Пуанкаре невыполнение Германией условий Версальского мира было только предлогом для достижения своих скрытых целей. Германо-советский торговый договор, заключенный 16 апреля 1922 г., убедил французского премьера в том, что Германия ведет работу по подрыву послевоенного порядка. К тому же он был убежден, что Версальский договор ни в коей мере не ослабил немецкую экономическую мощь на длительную перспективу, скорее напротив, у рейнско-вестфальской промышленности оставалась возможность причинить Франции тяжелый экономический ущерб, бойкотировав поставки железной руды из Лотарингии. Если бы Франции удалось поставить под контроль важнейшую промышленную область Германии с ее большими запасами угля, она могла бы надеяться достичь того, в чем ей было отказано англосаксами в 1919 г.: отделения рейнской области от Германии. В этом случае Франция окончательно обезопасила бы себя от западного соседа и одновременно получила бы залог сохранения своего господствующего положения на континенте.

Захват франко-бельгийскими войсками Рурской области продолжался до лета 1925 г. и вызвал волну народного возмущения в Германии, а также экономический кризис. Правительство канцлера Вильгельма Куно призвало население к «пассивному сопротивлению»: выплата репараций прекратилась, промышленность и транспорт охватила забастовка, а предприятия и ведомства отказались подчиняться оккупантам. На них совершались нападения, они сталкивались с саботажем. Оккупационные власти отвечали карательными мерами, что привело к человеческим жертвам.

В Рурской области партии и союзы объединились в оборонительный фронт. Профсоюзы выступили за политику пассивного сопротивления оккупационным властям. Когда рейхсканцлер Куно 13 января 1923 г. выразил в рейхстаге протест против оккупации, почти все депутатское собрание встретило его слова аплодисментами¹.

При этом стоит отметить, что, оккупировав Рурскую область, Франция сама оказалась в международной изоляции: ее действия вызвали осуждение других государств – бывших союзников Франции в Первой мировой войне. Британское правительство было решительно против приобретения Францией плацдарма на левобережье Рейна, опасаясь французской гегемонии в Европе.

В 1920–1921 гг. «поле» общих интересов Великобритании и Франции было ограниченным, концепции безопасности, которых придерживались британское и французское руководство, разни-

лись по ряду важнейших вопросов: роль Германии в Европе, границы Польши и ее место на континенте, пути и методы заключения мирного договора с Турцией. Это приводило не только к англо-французским противоречиям, но и свидетельствовало об относительной хрупкости Версальского режима безопасности².

Можно утверждать, что оккупация Рурской области вызвала раскол между союзниками по Первой мировой войне: Францией – с одной стороны и Великобританией и США – с другой. Действия франко-бельгийских войск, ставшие ключевым фактором распада англо-французской Антанты и запустившие масштабные процессы «перегруппировки сил», послужили толчком к серьезной модификации Версальского режима безопасности³.

В сентябре 1923 г. новый канцлер Густав Штресеман был вынужден объявить о прекращении пассивного сопротивления. Урон экономике Германии от оккупации Рура составил от 4 до 5 млрд золотых марок. В 1924 г. был принят план Дауэса, в соответствии с которым оккупация Рурского региона завершилась. План Дауэса устанавливал новый порядок репарационных выплат Германии. Он соответствовал экономическим возможностям Веймарской республики. Одновременно Германии предоставлялся международный заем. Все это позволило начать восстановление германской экономики, побороть инфляцию и снизить безработицу.

Ян Христиан Смэтс в этот период занимал пост главы правительства ЮАС. Выходец из традиционной африканерской семьи, он проявил себя во время англо-бурской войны 1899–1902 гг., командовал крупным отрядом буров в Западном Трансваале. Поняв, что война с Британской империей проиграна, Смэтс стал одним из сторонников начала мирной конференции. В дальнейшем он проявил себя как лояльный подданный британского доминиона ЮАС. Во время Первой мировой войны Смэтс сформировал южноафриканские силы обороны, подавил восстание буров в октябре 1914 г., затем его войска захватили Германскую Юго-Западную Африку, а в 1916 г. Смэтс возглавил завоевание Германской Восточной Африки. В начале 1917 г. он был приглашен в Имперский Военный кабинет премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа.

Смэтс считал условия Версальского мира слишком тяжелыми для Германии. Он побуждал Дж.М. Кейнса написать «Экономические последствия мира» для того, чтобы объяснить британской общественности опасность Версальского договора⁴. В Париже он просил провести экономическую конференцию с целью возрождения Центральной Европы. Союзники не приняли его рекомендаций. Не были услышаны и другие предложения Смэтса: о сохране-

нии армии в Германии для поддержания порядка, о создании комиссии в Лиге Наций для определения ущерба от войны и суммы репараций.

Перед отъездом в июле 1919 г. обратно в ЮАС Смэтс опубликовал большое заявление, где изложил свое особое мнение при подписании Версальского мирного договора. Смэтс предупредил Великобританию, что она не может игнорировать страдания и анархию в Европе без увеличения опасности для себя⁵.

Аналогичной была позиция Смэтса по вопросу Рурского конфликта 1923 г., вызванного крайне тяжелыми для Германии условиями Версальского договора: Смэтс выступал за облегчение положения Германии и помощь в восстановлении ее экономики ради будущего Европы.

Речь Смэтса во время ужина в отеле Савой в Южно-Африканском клубе 23 октября 1923 г. посвящена широкому кругу вопросов как имперской политики Великобритании, так и межгосударственных отношений в Европе, и в частности событий в Рурской области. Позиция премьер-министра британского доминиона состоит в следующем: он осуждает действия Франции. Смэтс указывает на глубокую ошибочность подобной политики – она может привести к сиюминутным приобретениям для Франции, но в дальнейшем пагубно скажется на реализации идей, предложенных самими победителями в Первой мировой войне: отказ от применения силы в решении международных споров.

Перевод речи Смэтса осуществляется по следующему изданию: *Selections from the Smuts papers. Cambridge university press. Vol. 5. P. 200–205.*

Выступление Я.Х. Смэтса

Оккупация Рура – это один из важнейших вопросов, к которым я обращаюсь. С точки зрения исключительно репарационного вопроса все эксперты, с которыми я разговаривал, единогласно придерживаются точки зрения, что до тех пор, пока продолжается оккупация Рурской области, какие-либо репарационные платежи от германского правительства невозможны. Пока индустриальное сердце Германии отделено от его тела, ее правительство не может восстановить финансы и не может даже приготовиться к выплате репараций. С точки зрения именно репараций оккупация Рура должна стать незаметной, все преграды между Руром и Рейнской областью, с одной стороны, и оставшейся частью Германии – с дру-

гой, должны быть устранены, а все свободные и незатрудненные торговые связи восстановлены. Это меньшее, что должно быть сделано. До тех пор пока этот минимум не будет выполнен, все разговоры и попытки урегулирования репарационного вопроса останутся в подвешенном состоянии и не будут соотноситься с действительностью. Все вышесказанное уже достаточно важно, но это еще не все.

Оккупация Рура также может рассматриваться с точки зрения производства, которое может быть организовано оккупационными властями в уплату репарационных платежей германского правительства. Такова официальная позиция Франции. Подобная точка зрения означает, что это не просто открытая оккупация с целью оказать давление на германское правительство. Это прямая эксплуатация германской территории, что никоим образом не было разрешено Версальским договором. Она не может быть согласована с положениями договора о репарациях. Это означает подмену Францией установленных ей же самой положений, содержащихся в договоре. Если соглашения, которые сейчас пытаются выработать генерал Дегутт (Degoutte) и промышленники Рура, будут достигнуты до того, как комиссия по репарациям даст свое подтверждение, то сразу вопрос перейдет в правовое поле, поскольку только комиссия по репарациям может осуществлять выполнение положений договора (здесь и далее Смэтс ссылается на положения Версальского договора. – А.С.), а не какое-либо другое ведомство или центр силы. Французы ненавидят само слово «пересмотр» (Версальского соглашения. – А.С.) и одновременно они фактически начали пересмотр Версальского соглашения! Они навязывают другим положения, находящиеся вне и отличные от тех, которые содержатся в данном договоре. Они начали процесс, который заведет очень далеко. И мир должен немедленно осознать далекоидущие действия Франции.

Но есть и гораздо более опасный аспект, с точки зрения которого может быть рассмотрена оккупация Рура, к нему будут все в большей и большей степени обращаться в будущем. В последней переписке члены британского правительства выразили свою позицию, что оккупация незаконна. Со всем своим влиянием и ответственностью они провозгласили перед всем миром, что оккупация Рура – это нарушение Версальского договора со стороны Франции и Бельгии. Они призвали к тому, что данный вопрос должен решаться верховным судом для рассмотрения жалоб всех стран, высшим судом международного права. Их запрос не получил согласия и не получит согласия по той простой причине, что, несомненно, действия Франции и Бельгии легитимны. Если действия Франции

и Бельгии законны и соответствуют договору, то каждый подписант договора может в любой момент сослаться на нарушение договора Германией и, следовательно, осуществить вторжение на ее территорию, и заявить, что делает это в соответствии с договором. Подобная интерпретация мирного договора представляется, при внимательном рассмотрении, нечестной и неправильной.

Давайте попробуем представить важность декларации, сделанной британским правительством; вопрос, им поднятый, является основополагающим. Величайший вопрос международных отношений не только Европы, но и всего мира вышел на первый план. Мы вернулись в положение августа 1914-го. Он [Версальский договор. – А.С.] превратился в клочок бумаги. Величайший инструмент европейского урегулирования был разрушен. Мы вступили в Мировую войну, чтобы противостоять подобным нарушениям. Это нарушение служит дурным предзнаменованием для мира в Европе, где мы, спустя четыре года после войны, снова наблюдаем ту же самую ситуацию.

Британцы не сомневаются, что будут приглашены к участию в дележе добычи, захваченной в Рурской области; наши промышленники, на которых оказывается сильное давление, могут поддасться искушению и одобрить вторжение. Мой совет состоит в том, чтобы никоим образом не участвовать в Рурских событиях. Декларация британского правительства сделала невозможным для Великобритании участие в какой-либо мере или каким-либо образом в делах Рура. Позор и унижение будет выше всего, что человек может вынести. Если нам суждено участвовать в Рурских событиях, то пусть это произойдет в форме общего законного урегулирования, а не опасного варианта на случай незаконной оккупации.

<...>

В настоящий момент оккупация Рура препятствует выплате репараций. Но есть и другая опасность, о которой я хочу сказать. Я имею в виду опасность распада Германии. Есть много беспокоящих признаков этого. Германия распадается на части. Это происходит отчасти из-за врожденной слабости республиканской формы правления, установленной после войны, и отсутствия реального лидерства в Германии, отчасти из-за ошибочной финансовой политики и политики выплаты репараций, а отчасти из-за отвратительной политики Франции, которая и в районе Рейна, и на Руре, и в других местах оказала безжалостное давление, значительно более сильное, чем слабая Германия может выдержать. На Франции лежит тяжкий груз ответственности перед историей. Франция

могла бы попытаться отнестись к перспективе распада Германии невозмутимо, хотя даже с ее точки зрения это было бы близорукое видение ситуации. Но и эта страна, и малые государства, которые окружают Германию, не могут быть безразличны к судьбе Германии. Для всех них экономический и политический распад Германии стал бы величайшим, непоправимым бедствием. Для них он будет означать немедленный экономический хаос, и он бы открыл возможность для будущих политических опасностей, к которым я не вижу здесь смысла обращаться. Германия в одинаковой степени экономически и политически нужна центральной Европе, и ее полный распад потрясет и создаст опасность для всего строя в Европе в степени, намного большей, чем кто-либо сегодня может предугадать. Следовательно, в интересах этого государства, равно как и любого другого центральноевропейского государства, любым законным способом предотвратить распад Германии. Как мы можем это сделать? По моему мнению, мы можем, по меньшей мере, придерживаться той же благожелательной политики, которой эта страна придерживалась в отношении Франции после наполеоновских войн. Мы можем дать Германии моральную поддержку, которая в час испытаний будет действительно значить для нее очень многое, возможно, все. Недостаточно просто ханжески высказывать ей благие пожелания. Положение, которое Британская империя занимает в мире, дает ей право авторитетного голоса в европейских делах. И наша задача состоит в том, чтобы утвердить эту значимую позицию и понять, что подобное положение дел, не будучи, несмотря на наши усилия, принято во внимание, глубоко затронет и вопросы промышленности, и вопросы политических отношений в этой стране, приведет к хаосу на континенте. Мы должны приложить все усилия, чтобы объяснить всем, кого это может касаться, дружелюбно и с максимальной ясностью, что в конечном итоге страна, которую этот вопрос затронет, будет оценивать его с точки зрения своих интересов и предпримет любые необходимые шаги, несмотря на то что это может повлиять на дружественные отношения, имевшиеся с другими странами в прошлом.

Оценивая сегодняшние мрачные известия, можно почти прийти к заключению о том, что сейчас уже слишком поздно спасать Германию от распада и, по меньшей мере, от временного исчезновения. И все же, я думаю, подобный взгляд на происходящее заведет слишком далеко. Даже сейчас я не отчаиваюсь. Решительная и непреклонная дипломатия даже сейчас смогла бы сотворить чудо. И если (я на это надеюсь) Германия обратится в последний раз с отчаянной просьбой о сострадании к победителям в Великой вой-

не, я верю, что великая империя, не колеблясь ни секунды, откликнется на это обращение и использует свою дипломатическую мощь и влияние, чтобы поддержать ее и предотвратить бедствие, которое стало бы безмерно более опасным для Европы и для всего мира, нежели случившееся шесть–семь лет назад крушение Российской империи. Как бы там ни было, то, что мы делаем, должно быть сделано быстро, до того как кризис перешел в острую фазу.

Напоследок я бы хотел сказать несколько слов по вопросу задолженности союзников, который очень тесно связан с вопросом репараций. На эту страну оказали очень сильное давление, дабы заставить отказаться от всех ее требований в отношении союзников; так же сделала и Америка. В этом я также вижу общее стремление к удовлетворительному решению одновременно и с нашей стороны, и с позиций Америки, и не буду вдаваться в детали. И все же я бы настаивал на одном пункте, который, как мне представляется, имеет основополагающее значение. Не позволяйте нам, исходя из ошибочных соображений великодушия, использовать предоставленную нам помощь на дальнейшую милитаризацию европейского континента. Его жители уже начинают сильно тревожиться из-за вооружений Франции – на земле и в воздухе. Плюс к этим вооружениям, правительство Франции также предоставило большие суммы малым европейским государствам, окружающим Германию, главным образом с целью разжечь их хищные милитаристские аппетиты. Существует опасность политики чрезмерной щедрости с нашей стороны или со стороны Америки, которая позволит Франции еще более эффективно субсидировать и поощрять милитаризм на континенте. Если с нашей стороны будет проявлено великодушие, то пусть будет приостановлено развитие милитаризма на континенте. Если все останется по-прежнему, то эта страна (Великобритания. – А.С.) скоро будет вынуждена возобновить перевооружение в силу явной необходимости самообороны. Будет чудовищно, если ее великодушие приведет только к тому, что ее соперники окажутся в более благоприятном положении для агрессии. Не следует призывать этих людей платить за милитаризацию на континенте. Мир был основан на идее разоружения, и соглашение в рамках Лиги Наций создало условия для ее реализации. Мы продемонстрировали добрую волю в разоружении, почти переступив порог безопасности. Пусть добрая воля сопровождает проведение этой политики, и пусть Америка и Великобритания используют свое положение кредиторов, чтобы способствовать этой политике разоружения, которая столь важна для благополучия Европы и для мира во всем мире.

Прежде чем закончить, я прошу разрешения сказать несколько слов в адрес Франции. Для Франции у меня также есть послание. Многое из того, что я сказал в этот вечер, могло прозвучать как обвинение политики Франции. И по сути дела это так. Но в то время как я глубоко не согласен с политикой правительства Франции, я испытываю глубокую симпатию к жителям Франции. Французы искренне верили, что получают репарации с помощью Рурской авантюры и, когда они вступали в эту авантюру, у них не было обдуманного намерения разрушить Германию. Я понимаю, что согласие Франции с Версальским мирным договором было получено только благодаря обещанию, данному Великобританией и США заключить договор о гарантиях, и нарушение этого обещания сильно унизило французов и вызвало у них чувство, что их покинули. Неудивительно, что, как следствие, они в ответ приступили к осуществлению политики силы. Но это бесплодная политика. Обнаживший меч не может быть в безопасности. И к тому же оказывается, что бремя доминирования в Европе – слишком тяжелая ноша. Франция знает из своей истории и из своих недавних страданий, что есть более великодушный путь решения проблем, и мы всем сердцем надеемся, что она вернется на этот путь. Даже сейчас либерализм во Франции очень живуч, хотя его голос более не звучит, и он не имеет реальной силы. И либеральная часть французского общества знает, что пакты о гарантиях не так сильны, как содружество либеральных идеалов. В темный период, в который Европа сейчас вступает, для Франции [будет] намного безопаснее в компании либеральной Англии и Америки, чем во всех белых и черных легионах, которые она сейчас собирает, и во всех нестабильных комбинациях (союзах), которые ее правительство сейчас старательно выстраивает в Европе... Нельзя быть патриотичным французом, не будучи хорошим европейцем. Пусть она в день своей победы и величия не забудет свою историческую миссию защитника либеральной традиции в Европе. Отказ от этой горделивой позиции, и место во главе реакции в Европе стало бы поражением и бедствием, большим, чем Европа знала за всю свою историю. Это может вызвать бедствие для либеральной части Европы с необратимыми последствиями. И я буду умолять ее (Францию. – А.С.), ради ее блага вернуться к тем ценностям, которых она придерживалась в прошлом, и снова стать великим лидером в продвижении либеральной идеологии на Континенте.

Я закончил... Моя цель состояла не в том, чтобы быть почитателем деятелей или правительств, а в том, чтобы отстаивать мотивы гуманности, ради которых мы принесли неисчислимые жертвы в

период Великой войны. Эти мотивы являются частью вопросов репараций и Рура. Они включают в себя главный вопрос, который находится в корне всей проблемы: будет ли у нас мир, основанный на законе и справедливости. Во имя идеала мира, основанного на добросовестном соблюдении международного права и договорных обязательств, были принесены бесчисленные жертвы. Ради него миллионы молодых людей сражались и умирали. И основополагающий вопрос для нас, тех, кто остался в живых, и кто несет сегодня ответственность, состоит в том, будет ли эта жертва полностью напрасной, или, благодаря нашей честной и храброй поддержке, она создаст наше будущее. Будущее мира зависит в большой степени от ответа, который даст на этот вопрос поколение нас, ныне живущих.

Примечания

- ¹ *Винклер Г.* Веймар, 1918–1933: история первой немецкой демократии. М.: РОС-СПЭН, 2013. С. 225–227.
- ² *Магадеев И.Э.* Взаимодействие Великобритании и Франции в сфере безопасности в 1920-е годы: автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2012. С. 17.
- ³ Там же. С. 18.
- ⁴ История Африки в биографиях / Под. ред. А.Б. Давидсона. М.: РГГУ, 2012. С. 360.
- ⁵ *Ходнев А.С.* Ян Христиан Смэте – южноафриканский политик и философ // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 153–154.